

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО НАУЧНОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена анализу особенностей формирования белорусского научного языка в начале XX в., определению роли терминологии в становлении белорусского языка науки. В исследовании осуществляется попытка осмысления воздействия экстралингвистических факторов на становление белорусского научного языка.

Ключевые слова: научный язык, специальная лексика, термин, терминология, экстралингвистические факторы.

В связи с расширением международных контактов в научной, технической и гуманитарной сферах возрастает объем и значение научного языка и специальной лексики (терминологии и номенклатуры). Вместе с тем белорусскими учеными единодушно отмечается неупорядоченность и недостаточная унифицированность белорусского национального терминологического фонда, что значительно сдерживает решение актуальных для общего терминоведения вопросов и замедляет включение белорусской терминологии в международные стандарты. В контексте этой проблемы представляется важным переход от преимущественно спонтанного пути упорядочения белорусского научного языка и терминологии к количественным критериям оценки их реального употребления. Анализ специфических условий функционирования белорусского научного языка и научной терминологии важен для осмысления их дальнейшей унификации и перспектив развития.

Следует отметить, что в отечественном языкознании отсутствует целостное представление о сущности белорусского научного языка. Кроме того, на сегодняшний день комплексных исследований, рассматривающих особенности формирования белорусского научного языка, проведено не было, что обуславливает актуальность изучения данной проблемы. Разработка теоретических основ изучения белорусского научного языка способствует созданию базы, на основе которой в дальнейшем может быть развернута многовекторная деятельность по изучению проблем белорусского научного языка и национальной терминологии, что сможет оказать существенное влияние на повышение теоретического и методического уровня терминологической работы в стране.

Отечественные и зарубежные лингвисты в своих исследованиях не однажды обращались к теме становления и развития белорусского научного языка и национальной терминологии. На сегодняшний день существует ряд монографических исследований, посвященных изучению этого вопроса (Л. Антонюк, Г. Бидер, Д. Дятко, В. Красней, А. Кулеш, Е. Лапковская, Е. Любецкая, П. Сцяцко и др.). Несмотря на некоторые достижения в изучении истории белорусской терминологии и научного языка, отсутствуют специальные работы, в которых рассматриваются особенности становления белорусского научного языка, определяются проблемы его формирования, отмечается уникальность развития.

В связи с отмеченным выше, целью работы можно считать определение особенностей формирования белорусского научного языка в начальный период его становления. Для достижения цели предполагается рассмотрение путей формирования белорусского научного языка через призму терминологии, учет влияния экстралингвистических факторов на развитие белорусской терминологии и научного языка.

Объектом исследования служит белорусский научный язык. Предмет исследования – пути формирования и разработки белорусского научного языка в начале XX в. Фактическим материалом для изучения являются теоретико-практические материалы, в которых нашли отражение предложения и подходы к созданию белорусского научного языка в начале XX в.

Научная значимость исследования проявляется в том, что оно важно для развития теоретической базы белорусского научного языка, упорядочения национальной терминологии. Теоретическая значимость исследования заключается в возможности осмысления обстоятельств исторического формирования белорусского научного языка, получения данных, необходимых для определения факторов, которые воздействовали на становление белорусского научного языка на начальном этапе его развития. Практическая значимость данных исследования видится в возможности объяснения не только предыдущего терминологического опыта, но и определения путей развития национальной терминосистемы в дальнейшем. Анализируя историю развития белорусского научного языка, можно говорить о наличии в нём периодов, которые, с одной стороны, отражают историческую последовательность осуществленной терминологической работы и характеризуются большей или меньшей активностью терминологической деятельности, а с другой стороны, отличаются разной продолжительностью, целями и задачами проведения терминологической работы, подходами к разработке специальной лексики.

Исследуя социолингвистические аспекты функционирования литературного языка во второй половине XX в., лингвисты приходят к заключению, что «для каждого этапа можно найти некоторую доминанту, которая в той или иной степени определяет характер языковой ситуации, особенности социокультурной и языковой ориентации общества и направления активных процессов в разных областях языковой деятельности и структуры самого белорусского языка» [9, с. 27]. В любом случае в соответствие с общими тенденциями формирования национальной терминологии в определенный период отдается предпочтение тем или иным способам упорядочения терминологии, которые сохраняют свои позиции как основные либо теряют их. Выразительным подтверждением осуществленной терминологической деятельности можно считать периоды т. н. терминографических взрывов – время наиболее продуктивной подготовки терминологических справочников и словарей. В свою очередь взлёты и падения проведения терминологической работы тесно связаны с внешними условиями функционирования белорусского языка.

До начала XX в. задача разработки и кодификации белорусской терминологии не ставилась, если не считать словари-справочники для чтения старобелорусских юридических актов, которые, однако, имели специальную ограниченную функцию. Исследователями отмечается, что в плане проведения терминологической работы *началу XX в.* характерно «стихийное» и «управляемое» [10, с. 15] формирование номинативно-терминологического фонда белорусского языка. При этом создание белорусских терминов осуществляется преимущественно на народной основе. Создатели «Семязычного словаря» (1918) [14], где белорусский язык впервые поставлен в один ряд с немецким, русским, польским, литовским, латышским языком и идиш, стараются «уловить дух

языков и прислушиваются к боязливым попыткам народа, который из естественных побуждений старался создать слова для новых непривычных понятий <...>» [14, с. 5]. Авторами отмечалось, что «однажды найденное и выделенное из списка синонимов слово приобретало определенное значение, и с этого момента вариант считался полным соответствием немецкому слову» [14, с. 5]. Для авторов многоязычного словаря во время терминотворческой деятельности определяющей стала ориентация на собственные возможности белорусского языка и т.н. «приблизительный перевод» более или менее близким по смыслу уже известным белорусским словом или словосочетанием. Соответствия немецким терминам создавались преимущественно на основе названий, закрепленных в народной традиции и распространенных в Беларуси, например: нем. *Staatsanleihe* – бел. *dzierżajnajaja pazyka*, нем. *Rechnungslegung* – бел. *sprawazdača*, нем. *Auflage (Steuer)* – бел. *padatak*, нем. *Innung* – бел. *cech*, нем. *Güter (zum Verladen)* – бел. *tawar* (экономическая лексика). Не все приведенные эквиваленты в связи с ограниченным характером функционирования белорусского языка могли рассматриваться на время подготовки лексикона как нормативные и закрепились в будущем. С современной точки зрения не все предложения первой половины XX в. удачные, некоторые лексемы на сегодняшний день получили статус разговорных, например: вместо бел. *abiečanka* прижилось *абячанне, абавязак*; вместо бел. *adhawor* – *адмена, скасаванне*; вместо бел. *adkłađ, addal, pierewaloka* – *адтэрміноўка*; вместо бел. *lichadziejstwa* – *злоўжыванне* (юриспруденция). Вышли из активного употребления прежде всего те наименования, которые отражали уровень развития общественных и управленческих отношений на оккупированной территории, например: нем. *Amtsbezirk d. Chefs Verwalt.* – бел. *okruh*, нем. *Amtsbezirk d. Amtsvorstehers* – бел. *okruh načalnika upraўleńnia*, нем. *Polizeistunde* – бел. *palicejskaja hadzina*, нем. *Gemeindevorstand* – бел. *walasny ŭrad*. Утрата некоторых номинаций обусловлена тем, что компоненты словосочетаний вышли из активного употребления и перешли в пассивный запас. Так, в сочетаниях бел. *pruwileja na šynkarstwa, zakładnaja kredyтка, karnaja haspoda* компоненты *шынкарства, крэдытка* и *гаспода* квалифицируются как устарелые. Северо-западным говорам обязаны своим происхождением лексемы *ўласць, складанка, плацежа*, но предложения “Семязычного словаря” бел. *baćkaŭskaja ўлаść*, бел. *składanka*; бел. *srok плацежу* в дальнейшем не распространились и были заменены. В современных, наиболее полных справочниках, употребляются соответственно *бацькаўская ўлада, узнос* с вариантами 20-х гг.: *укладка, узнос, складка, уклад, заплата, ахвяраванне; тэрмін плацяжу*. Несмотря на то, что не все решения по упорядочению белорусской терминологии нашли своё отражение в дальнейшем, а сам период характеризуется скорее как стихийный, важно отметить, что именно в этот время были осуществлены первые попытки терминологической работы на основе средств белорусского языка.

Целенаправленный процесс терминотворчества развернулся в 20–30-е гг. XX в. во время деятельности Терминологической комиссии. «В 20-е годы формирование корпуса белорусского научного языка осуществлялось одновременно с установлением белорусской государственности, рядом со строительством сетки научных и учебных учреждений, в условиях демократизации образования и науки” [7, с. 5]. На формирование белорусской части лексиконов оказывали влияние объективные (неразработанность белорусской терминологии, нерешенность теоретических проблем перевода терминологической лексики, отсутствие белорусских соответствий ряду иноязычных терминов) и субъективные (влияние установок авторов лексиконов) причины [13, с. 19]. По мнению исследователей терминологической деятельности этого периода, отличительным для белорусской терминологии этого времени стала

«ускоренность» её разработки. Внешними причинами целенаправленного терминотворчества является расширение общественных функций и социальной базы белорусского языка, когда он получил статус государственного, «стал языком делопроизводства, науки, образования, культуры, политической и художественной литературы, языком средств массовой информации» [11, с. 99]. О формировании норм белорусского литературного языка 20-х гг. XX в. говорится, «что именно в этот период выкристаллизовывается тенденция манифестации и закрепления в литературной норме специфических черт белорусского языка. Последнее в свою очередь оправдывает тенденцию к отталкиванию белорусского языка от подобных явлений как в русском, так и в польском языках [12, с. 55]. Для начального этапа создания терминологических систем характерна терминологизация общенародных, территориально ограниченных и узко-диалектных слов, например: *гарляк (гартань)*, *дзедзіна сэрца (вобласць сэрца)*, *жаўцяк (жоўцевы пузыр)*, *пасака (лімфа)*, *дванастки (дванаццаціпалая кішка)*, *пакрытніцы (эпітэлій)*, *слізніцы (слізістая абалонка)* – медицина. С другой стороны, при нехватке средств народного языка авторы справочников активно обращались к созданию новых слов. Исследователями особенностей формирования терминологической лексики в этот период отмечается, что «по причине отсутствия универсальной концепции терминообразования, вся белорусская терминография 1920-х гг. характеризуется достаточно высокой степенью так называемой «этимологической вариантности» – когда включение в реестры словарей тех или иных терминологических единиц во многом зависит от субъективного подхода конкретного автора либо авторского коллектива» [6, с. 38]. «Известно, многие термины, предложенные авторами терминологических проектов, оказались нежизнеспособными. Однако сегодня недостатки и недочеты мы должны рассматривать не как злую нацдемовщину, а как объективный результат стремительного развития, который переживал белорусский язык в период белоруссизации <...>. Мы можем сказать, что в 20-е гг. были правильно очерчены цели, задачи, принципы и пути разработки терминологии, которые могут быть сформулированы следующим образом: терминология должна быть упорядочена по содержанию и быть национальной по своей форме <...>» [10, с. 14].

При формировании номинативно-терминологического фонда в 20-е годы XX ст. принцип ориентации на иноязычные термины интернационального характера был минимальным, в отличие от доминирующего принципа максимального использования собственных языковых ресурсов. При упорядочении отраслевых терминологий членами Научно-терминологической комиссии обращалось внимание на то, что «само собой понятно, что комиссия должна брать и чужие слова. Но это делается тогда, когда 1) в народном языке не было соответствия белорусскому термину, 2) когда созданные неологизмы были очень ненатуральные и 3) когда эти чужеземные слова были распространены в языках культурных народов [3, с. 10].

Следует отметить, что создатели белорусской терминологии в 20-30-е годы XX ст., члены Научно-терминологической комиссии относились к заимствованию как принципу формирования специальной лексики дифференцированно в разных отраслях науки. «Как будто было общее согласие в том, что основой литературного языка должен быть язык народный, но как только возникали вопросы адаптации народного языка в сфере терминологической практики, как только осмысливались отношения белорусского языка с русским и польским, то сразу же можно наблюдать идеологически обусловленные расхождения между представителями разных взглядов» [8, с. 8]. Так, Л. А. Антонюк замечает, что «значительно больший процент заимствованных слов в физико-техническом, математическом и геологическом выпусках «Белорусской научной терминологии» (40–

50%) по сравнению с сельскохозяйственным, ботаническим и обществоведческим выпусками (около 15%)» [1, с. 174].

Так, основными подходами к разработке национальной терминологии в этих словарях стали: 1. создание неологизма из собственно-белорусских компонентов, например: *множнік, сказоўнік, выклічча*; 2. создание неологизма на основе собственно-белорусской словообразовательной базы + иноязычный формант, например: *суадносiны* (иноязычная приставка *су-* + *адносiны*), *паказчык* (*паказ* + русскоязычный суффикс *-чык*), *дэзстасункі* (иноязычная приставка *дэз-* + *стасункі*); 3. создание неологизма на базе иноязычного слова + белорусскоязычный аффикс, например: *інвентарны, працоўны, вульгарны, кампанавец*.

Таким образом, становление белорусского научного языка и терминологической системы в этот период осуществляется разными путями. Особое место среди способов формирования специальной лексики национального языка занимает заимствование. Для введения иноязычной единицы в терминологическую систему существуют как лингвистические, так и экстралингвистические причины, которые влияют на процесс заимствования совместно, неотделимо одна от другой.

Отношение к заимствованию как средству языкового обогащения в разные периоды развития национальной лексической системы было неодинаковым. Поскольку реализация пуристической тенденции не могла быть реализована на практике в полной мере, то авторы «Белорусской научной терминологии (1922 – 1930) обращались к иным способам создания терминов: передача интернациональных терминов средствами белорусского языка, частичной передаче интернациональных терминов средствами белорусского языка, создание неологизмов, использование заимствованной лексики.

В 1930-е гг. белорусский язык не часто востребуется в сфере научной коммуникации, «закономерно, что и созданные в 1920-е гг. словари перестали активно использоваться и даже были запрещены. Соответственно пути и способы нормирования словарного состава белорусского языка, основанные на идеях пуризма, потеряли свою актуальность и правомочность» [4, с. 42]. К этому времени белорусский период до начала военных действий на территории Беларуси принято считать «антипуристическим», которому характерно «изменение ориентиров в терминообразовании на русскоязычные образцы и интенсификация калькирования из русского языка, который становился единственным источником пополнения терминологической лексики» [5, с. 32], например: *агібаючая, адначлен, быстра вагаючыся крывыя, верцячыйся, ізабражэнне, квадрат точны, множыцель інтэгруючы, памяншаемае* [5, с. 33] – математическая терминология.

Таким образом, решение насущной задачи упорядочения белорусского научного языка предполагает прежде всего проведение историко-лингвистического анализа, что позволяет оценить состояние развития специальной лексики в определенный период, проследить динамику изменений и выделить примеры положительного опыта. Периоду начала XX в. характерны отличительные подходы и способы формирования языка науки. Комплексный учет контекста социально-исторических обстоятельств становления отечественного языка науки позволяет определить доминантные процессы в его развитии. Исследование белорусского научного языка в начале XX в. показало, что его формирование осуществлялось с ориентацией на основные тенденции развития науки и обусловлено воздействием экстралингвистических факторов совместно с лингвистическими. В этот период можно отметить наличие разных вариантов его формирования (натуральный путь и сознательное терминотворчество как результат языковой политики).

Літэратура

1. Антанюк Л.А. Беларуская мова: прафесійная лексіка / Л.А. Антанюк, Б.А. Плотнікаў. – Мінск: Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, 2006. – 240 с.
2. Антанюк Л. А. Спецыяльная лексіка беларускай мовы. Тэрміналогія / Л. А. Антанюк. – Мінск : Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, 2005. – 99 с.
3. Вестник Народного Комиссариата просвещения ССРБ: беларускі адзел. Мінск, 1921. № 2. – С. 11.
4. Губкіна А. В. Лексікалогія і лексікаграфія беларускай мовы ХХ ст.: сацыялінгвістычны аспект / А. В. Губкіна. – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2012. – 143 с.
5. Дзятко Д. В. Фарміраванне і склад беларускай матэматычнай тэрміналогіі : дыс. ... канд. філал. Навук : 10.02.01 / Д. В. Дзятко. – Мінск, 2006. – 167 с.
6. Дятко Д. В. Становление методологии белорусской терминологии в первой половине ХХ века / Д. В. Дятко // Лексикографические штудии. – Москва : Издательство Московского ун-та, 2013. – С. 31–47.
7. Запрудскі С. М. Гісторыя беларускага мовазнаўства, 1918–1941 : хрэстаматыя / С. М. Запрудскі, Г. І. Кулеш. – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2005. – Ч. 1. – 213 с.
8. Запрудскі С. М. Прадмова / С. М. Запрудскі // Arche. – 2010. – № 11 (98). Лінгвістыка 1920-х гадоў. – С. 5-8.
9. Красней В. П. Беларуская мова / В. П. Красней, А. А. Крывіцкі, А. А. Лукашанец, М. Р. Прыгодзіч, Т. Р. Рамза, Л. І Сямешка, І. Р. Шкраба. – Opole : Uniwersytet Opolski ; Instytut filologii polskiej, 1998. – 293 с.
10. Красней В. П. Пошукі прынцыпаў і шляхоў рспрацоўкі беларускай нацыянальнай тэрміналогіі на пачатку ХХ ст. / В. П. Красней // Тэрміналагічны бюлетэнь. – 1997. – Вып. 1. – С. 8–15.
11. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / А. Я. Баханькоў і інш. ; [пад рэд. А. Я. Баханькова]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.
12. Лукашанец А. А. Сучасныя працэсы ў словаўтварэнні беларускай мовы: да праблемы міжмоўнага збліжэння і адштурхоўвання / А. А. Лукашанец // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка : XIII Міжнар. з’езд славістаў (Любляна, 2003) : [даклады беларус. дэлегацыі]. – Мінск : Беларуская навука, 2003. – С. 52–69.
13. Любецкая Е.П. Белорусская национальная терминология: тенденции формирования в ХХ-XXI вв. / Е.П. Любецкая // Термінолагічний вісник: Збірник наукових праць. – К. : Інститут української мови НАНУ, 2015. – Вип. 3(1). – С. 17-25.
14. *Sieben-Sprachen-Wörterbuch: Deutsch-Polnisch-Russisch-Weissruthenisch-Litauisch-Lettisch-Jiddisch.* – Leipzig : Otto Spamer Verl., 1918. – 420 S.

References

1. Antanjuk, L.A. (2006), *Belarusian: professional lexicon: course of lectures* [Belaruskaja mova: prafesijanjaja leksika: kurs lekcyj], Akademija kiravannja pry Presidence Respubliki Belarus, Minsk, 2006, 240 p.
2. Antanjuk, L.A. (2005), *Special lexicon of Belarusian: terminology* [Specyjalnaja leksika belaruskaj movy: terminalogija], Akademija kiravannja pry Presidence Respubliki Belarus, Minsk, 2005, 99 p.

3. *Messenger of a national commissariat of education* (1921) [Vestnik Narodnogo Komissariata prosveshhenija SSRB: belaruski addsel], Minsk, 1921, № 2, p. 11.
4. Gubkina, A.V. (2012), *Lexicology and lexicography of Belarusian of the XX century: sociolinguistical aspect* [Lexikologija i leksikografija belaruskaj movy XX st.: saczjalingvistyczny aspekt], Belaruskij dsjarzhauny universitet, Minsk, 2012, 143 c.
5. Dsjatko, D.V. (2006), *Formation and composition of the Belarusian mathematical terminology* [Farminavannje i sklad belaruskaj matematychnaj terminalogii : dys. ... kand. filal. navuk 10.02.01], Minsk, 167 s.
6. Djatko D.V. (2013), *Formation of methodology of the Belarusian terminografija in the first half of the XX century* [Stanovlenije metodologii belorusskoj terminografii v pervoj polovine XX veka], Lexikograficheskie shtudiji, Isdatelstvo Moskovskogo universiteta, Moskva, 2013, pp. 31–47.
7. Saprudski, S.M., Kulesh, G.I. (2005), *History of the Belarusian linguistics, 1918–1941: anthology*, [Gistoryja belaruskaga movasnaustva, 1918 – 1941: hrestamatyja], Ch. 1, Belaruskij dsjarzhauny universitet, Minsk, 213 p.
8. Saprudski, S.M. (2010), *Foreword* [Pradmova], Arche, Minsk, № 11 (98), pp. 5-8.
9. Krasnej, V.P., Kryvicki, A.A., Lukashanec, A.A., Prugodzich, M.r., Ramsa, T.R. (1998), *Belarusian*, [Belaruskaja mova], Universitet Opolski, Opole, 293 p.
10. Krasnej, V.P. (1997), *Searches of the principles and ways of development of the Belarusian national terminology at the beginning of the XX century* [Poshuki pryncypau i shljahou raspracouki belaruskaj nacyjanalnaj terminalogiji na pachatku XX st.], Terminalagichny bjuleten, Vyp. 1, pp. 8-15.
11. *Lexicology of the modern Belarusian* [Lexikologija suchasnaj belaruskaj movy], Navuka i tehnika, Minsk, 1994, 463 p.
12. Lukashanec, A.A. (2003), *The modern processes in word formation of Belarusian: to a problem of interlanguage convergence and repulsion* [Suchasnyja pracesy u slovautvarenni belaruskaj movy: da prablemy mizhmounaga sblichennja i adshturhouvannja], Movaznaustva. Litaratura. Kulturalogija. Falklarystyka, Belaruskaja navuka, Minsk, pp. 52-69.
13. Ljubeckaja, E.P. (2015), *Belarusian national terminology: formation tendencies in XX-XXI centuries* [Belorusskaja nacyjonalnaja terminologija: tendenciji formirovanija v XX-XXI vv.], Terminologichni visnik, Institut ukrainskoji movi NANU, Vyp. 3(1), pp. 17-25.
14. *Seven-lingual dictionary*, (1918), [Siben-Shprahen-Wjorterbuh: Dojтч-Polnish-Russish-Vaissrutenish-Litauish-Lettish-Jiddish], Otto Spamer Verlag, Leipzig, 420 p.

Е. П. Любецкая,

*Белорусский государственный университет,
кафедра русского языка как иностранного и общеобразовательных дисциплин*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО НАУЧНОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена анализу особенностей формирования белорусского научного языка в начале XX в., определению роли терминологии в становлении белорусского языка науки. В исследовании осуществляется попытка осмысления воздействия экстралингвистических факторов на становление белорусского научного языка.

Ключевые слова: научный язык, специальная лексика, термин, терминология, экстралингвистические факторы.

E. P. Liubetskaya,
*Belarusian State University,
Russian as a Foreign Language and of General Educational Disciplines Department*

PECULIARITIES OF FORMATION OF THE BELARUSIAN SCIENTIFIC LANGUAGE AT THE BEGINNING OF THE XX

The purpose of the work is to determine the peculiarities of the formation of the Belarusian scientific language. Objectives of the research: consideration of ways of the Belarusian scientific language formation through the prism of terminology. The object of the research is the Belarusian scientific language, the subject - approaches to its development in the early twentieth century. In the initial period of the formation of the Belarusian scientific language the existence of different variants of its formation can be identified (natural way and conscious terminological approach as a result of language policy).

Key words: scientific language, special vocabulary, term, terminology, extralinguistic factors.

УДК 811.161.2'373.612.2

К. О. Мікрюкова,
*канд. філол. наук,
Миколаївський національний університет імені В. О. Сухомлинського,
старший викладач кафедри загальної та прикладної лінгвістики*

ПРИКМЕТНИКОВІ ДИСТРИБУТИВНІ МОДЕЛІ ЛЕКСЕМИ «МІСТО» В ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ УКРАЇНСЬКИХ ПОСТМОДЕРНІСТІВ

У статті розглянуто актуальні прикметникові словосполучення, де лексема «місто» вживається як опорний компонент дистрибутивної моделі Adj + «місто/город/град». Проаналізовано семантичні особливості прикметників, що виступають у ролі дистрибутивних партнерів у художньому дискурсі постмодерністів. З'ясовано особливості епітетних конструкцій, що виникли на основі прикметникової дистрибуції.

Ключові слова: дискурс, дистрибуція, дистрибутивна модель, епітет.

Місто – вагоме для соціального осмислення фундаментальне поняття, що лише починає привертати увагу вчених (Л. Волошук, Н. Колошук, В. Пропп, Я. Веремич, М. Дністрянський, Д. Зубрицький, М. Вебер, С. Катаєв, І. Шепеленко, Ю. Нікішенко, І. Патрон, К. Червенко, Г. Залізник, Л. Корновенко, І. Кудрейко, О. Слободян, Є. Степанов, А. Титаренко, Я. Янчишина та ін.). Місто – важливий лексичний сегмент, актуальний для сучасної людини. Ціннісно-філософське тлумачення міста дає змогу розглядати його як необхідну умову існування не лише людини, а й усього живого. З виникненням та розвитком міст узагалі пов'язують прогрес суспільства. Тому цілком закономірно, що уявлення про місто відбиваються в лексичній системі української мови та вербалізуються численними лексичними засобами: в різних лексикографічних джерелах зафіксовано понад 300 відповідних лексичних маркерів (лексеми «місто», «город», «град» тощо). Соціальна специфіка феномену міста та різноманіття його форм, функціонування ціннісно-оцінних і художніх уявлень про місто, семантична